

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК АКТУАЛЬНЫЙ ТРЕНД В ДИССЕРТАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ

Аннотация: В статье рассматривается история образования в России как перспективное направление исторических исследований, находящееся на стыке между историей и педагогической наукой. Автор констатирует бурное развитие исследований, посвященных истории отечественного образования, на примере ряда диссертаций на соискание степени доктора исторических наук. Особо отмечаются важнейшие тематические треки – деятельность образовательных учреждений Императорской России, молодежная политика СССР, воспитательное значение мемориальной культуры, исторические подходы к воспитанию детей, роль Русской Церкви в образовании молодежи.

Ключевые слова: История образования, диссертационная культура, историческая наука, образование в России.

Об авторе: Яковлев Матвей Евгеньевич, младший научный сотрудник, Центр «История исторического знания», Институт всеобщей истории РАН, Ленинский проспект, дом 32А, г. Москва, 11933. Mattyakovlev@gmail.com

По большей части, проблемы образования являются объектом психолого-педагогических или социологических исследований, формирующих актуальные проблемы и вопросы педагогической науки. Однако, историческая наука также касается вопросов обучения и воспитания – в контексте изучения образовательных практик прошлого. Более того, история образования является существенным трендом в современной российской историографии. Так, из 305 диссертаций на соискание степени доктора исторических наук, защищённых в 2014–2020 гг. 27 в чистом виде относятся к истории образования – почти 8% от всего корпуса. Для сравнения – за тот же период все диссертации по специальности 07.00.03 (Всеобщая история) составили всего 39 работ или 13% корпуса – так что цифра в 27/305 является в высшей степени существенной. А ведь

речь идёт только об академическом интересе специалистов высшей квалификации, сделавших историю образования своей главной научной темой.

Почему же историков так занимают проблемы образования и какие именно аспекты образования их привлекают? Наша статья посвящена ответу на эти вопросы.

Процесс реформирования отечественной системы образования непрерывно сопровождает историю последних двадцати лет – и никогда проводимые реформы не оказывались бесспорными.

Дважды, в 2016 и в 2021 гг. ВЦИОМ проводил опросы, касающиеся российского образования. [12,13].

На вопрос «Как бы Вы оценили состояние нашей системы образования?»

Отличным в 2016 г. образование сочли всего 3% респондентов, в 2021 – 4%.

Хорошим – 30% и 27% соответственно.

Посредственным – 41% и 42%.

Плохим – 16% и 13%.

Очень плохим – 4% и 9%.

Стоит отметить, что результаты опроса если учесть признанную авторами погрешность в 2.5% практически идентичны. За пределы погрешности выходят только падение числа респондентов, считающих российское образование хорошим, падение числа считающих его плохим, и резкий рост количества людей, по мнению которых в российском образовании всё очень плохо.

По версии ФОМ на 2020 г., 20% респондентов считают отечественное высшее образование хорошим, 45% удовлетворительным и 22% – плохим (погрешность – 3.6%) [14].

Такие результаты ярко показывают раскол в российском обществе, существующий по вопросам эффективности системы образования. И неудивительно, что этот «больной нерв» общества интересует, в том числе авторов диссертационных исследований.

Прежде всего, авторов интересуют, конечно, вопросы организации деятельности образовательных учреждений.

Таковы, например, работы: «Историческое образование и наука в советской высшей школе: региональный аспект (на материалах сибирского научно-образовательного комплекса)» [20], «Развитие сферы образования в национальных районах юга России в 1918–1941 гг.: сравнительно-исторический анализ» [8], «Реализация государственной политики по управлению учебными заведениями Министерства народного просвещения на территории Западной Сибири (XIX–начало XX в.)» [1], «Система народного просвещения на Европейском Севере России в первой половине XIX в.» [5], «Исторический опыт функционирования системы народного образования Верхнего Поволжья в XIX в.: от становления до модернизации» [4], «Светская школа Западной Сибири конца XIX–начала XX веков: воспитание учащихся» [19].

В данной сфере большинство авторов предпочитают обращаться не к советскому опыту, а к опыту организации образования в Российской Империи. При этом практически все авторы отмечают возможность использования данного опыта для модернизации современной системы образования, но вот отношение к этому опыту далеко от панегирического. Так, Е.А. Калинина делает особый акцент на связи развития образования не с властными директивами, а с социальным заказом — так, в регионах с преобладанием государственных крестьян долгое время отсутствовал запрос даже на начальную школу, а потому многие формально созданные образовательные учреждения существовали только на бумаге. Решила проблему только кадровая потребность Министерства государственных имуществ в писарях и землемерах. Эффективность реформ часто зависела от эффективного взаимодействия власти с Церковью и сознательными помещиками [5].

Сходным образом, С.Ю. Иерусалимская указывает на помощь властям со стороны многих сознательных дворян, открывающих частные школы, а позднее — со стороны Земства. Большую роль в развитии образования по С.Ю. Иерусалимской сыграло массовое открытие с 1850-х гг. воскрес-

ных и церковно-приходских школ. Таким образом тезис о необходимости общественной поддержки образованию и «инициативы снизу» для успешного проведения преобразований переходит из работы в работу [4].

В.С. Сулимов также затрагивает вопрос о роли церкви в школах Российской Империи, но приходит к противоположным выводам – по его мнению, из-за применения устаревших назидательных методов и часто казенного отношения законоучителей к своей деятельности, учащиеся скорее отходили от Церкви и монархических взглядов [19].

Интересует авторов, конечно, и советский опыт организации образовательного процесса. Так, К.Ф. Лиджеева рассматривает влияние советской системы образования на национальных окраинах юга России на рост национального самосознания народов юга России и создание национальной интеллигенции. В то же время проводимые реформы образования вели к интеграции данных народов в общесоветские модернизационные процессы, что положительно сказывалось на их жизни [8].

Сходным образом и Д.В. Хаминова в проблематике высшего исторического образования в СССР в Сибири привлекает прежде всего его соответствие региональной специфике, так, исследователь отстаивает тезис, что тематика исторических работ в советское время определялась прежде всего особенностями социально-экономического развития региона, национальным составом населения и его культурными особенностями. В качестве методологической базы при этом использовалась теория «внутренней колонизации». Перемены 20-х и 30-х годов Д.В. Хаминов считает «катастрофическими», направления научного поиска в этот период определяются центром, а пути для такого поиска блокируются. Но и применительно к периоду Оттепели автор называет сибирский научный комплекс «экзотическим филиалом ближней периферии мирового научно-исторического центра». В 1970-х–1980-х гг. происходит регионализация сибирского научного комплекса,

которую Д.В. Хаминов оценивает почти исключительно положительно [20].

Таким образом, исследования образовательных институтов СССР в большей степени, чем исследования Российской Империи имеют обзорный, и в меньшей степени подчёркиваемый авторами практический характер.

Также авторов волнуют проблемы молодёжной политики как таковой, например, «Исторический опыт разработки и реализации государственной молодежной политики в России (вторая половина XIX в.—начало XXI в.)» [9], «Молодёжная политика СССР и её реализация на советском Дальнем Востоке (ноябрь 1922—июнь 1941 гг.)» [2], «Молодёжная политика советского государства и ее реализация в Восточной Сибири (середина 1950-х—1991 гг.)» [6].

Первое же, что бросается в глаза — если в вопросах функционирования образовательных учреждений имперский опыт превалирует как источник информации для диссертантов над советским, то в вопросах молодёжной политики ситуация диаметрально противоположная, авторов интересует исключительно советский опыт.

Наиболее обширная по хронологическим рамкам работа принадлежит П.А. Меркулову, который единственный затрагивает в диссертации вопросы дореволюционной молодёжной политики и почти исключительно в обзорном виде. Одним из основных тезисов П.А. Меркулова является утверждение, что в самые разные периоды российской истории неотъемлемым компонентом молодёжной политики было подавление, запрещение, а порой и уничтожение молодежных организаций. По мнению автора, ряд молодёжных движений носит откровенно деструктивный характер, и борьба с ними несёт угрозу существованию общества [9].

Н.Н. Билим отмечает, что победа в Великой Отечественной войне и успешное послевоенное восстановление стали в значительной степени следствием успешной молодёжной политики Советской России в 20-е—30-е гг. XX столетия. Эта политика сформировала новый тип ценностей и

в значительной степени приблизилась к идеалу – созданию нового человека [2].

Т.М. Королева, характеризуя позднесоветскую молодежную политику, отмечает колоссальные и совершенно утраченные сегодня успехи советского государства по переводу ценностных установок молодежи из сферы досуга в сферу позитивной трудовой деятельности и творчества. В то же время исследовательница отмечает, что в условиях дефицита рабочей силы советская власть часто латала за счёт молодежи экономические прорехи – при этом молодых энтузиастов ждали неудовлетворительные жилищные условия, плохое социально-культурное обеспечение и снабжение промышленными и продовольственными товарами, а в конечном счете и отсутствие перспектив, что и определяло высокую «текучку» на стройках народного хозяйства [6].

В то же время нельзя не отметить, что диссертации, посвященные советской молодежной политике, преимущественно характеризуют ее как успешную и рекомендуют обращаться к опыту проведения этой политики.

Сферы образования также касаются диссертации, посвященные мемориальной культуре, например, «Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919–середина 1941 г.)» [7], «Декабристы в исторической памяти. 2000–2014» [22], «Александр Невский в отечественной культуре и исторической памяти» [18].

Е.И. Красильникова отдельно останавливается в своей работе на том, как советская власть использовала мемориальную культуру для создания образа прошлого, формируя мрачный образ дореволюционной России «оттеняющий» интенсивное развитие СССР, постепенно вытесняя из исторической памяти образы локальной истории в пользу общесоветских. При этом автор считает, что реакции населения бывали разными, но в худшем случае новые практики усваивались неполно при забвении старой мемориальной культуры, что по мнению исследовательницы вело к

культурной маргинализации. По большей части же лишь репрессивная политика удерживала население от критики новых коммемораций [7].

Основная часть диссертации Р.А. Соколова посвящена переходу в советском обществе от политики дискредитации образа Александра Невского к его прославлению и созданию положительного образа князя в глазах советского народа. Отдельно рассматривается роль фильма С.М. Эйзенштейна в создании такого образа [18].

Диссертация С.Е. Эрлиха единственная целиком сфокусирована на эволюции образа декабристов в современной России, переходе от двух вариантов мифа – либерального и советского – к православно-монархическому контрмифу. В рамках либерального мифа декабристам отводится историческая роль последовательных реформаторов из тайных обществ. Коммунистический миф отводит им роль первого поколения революционеров, «разбудивших» Герцена. Наконец, православно-монархический миф характеризует декабристов как запутавшихся молодых людей, сбитых с толку вольнодумством и запятнавших себя как порочными планами по убийству царской семьи, так и кровью графа Милорадовича. В любом случае С.Е. Эрлих характеризует декабристский миф как «основной миф» российской интеллигенции, а варианты интерпретации этого мифа – как конкурирующие за умы и сердца граждан России варианты репрезентации прошлого [22].

Интересуют авторов также вопросы воспитания детей, данной проблеме посвящены работы: «Традиционная культура воспитания детей у чеченцев (XIX–начало XX века)» [21], «Дети трудящегося населения в городском российском социуме в 1861–1914 гг.: проблемы девиантности и виктимизации (на материалах Санкт-Петербурга)» [17], «Материнство у дворянок центральной России во второй половине XIX–начале XX века: историко-антропологический и социокультурный аспекты» [10], «Благотворительность и призрение в повседневной жизни российского общества в XVIII–XIX вв.» [3].

З.И. Хасбулатова – первая чеченка получившая степень доктора исторических наук, собрала богатый этнографический материал, на котором и сформулировала целостную картину обучения и воспитания ребёнка в рамках чеченской семьи, ярко и подробно показав, как от рождения ребёнка до достижения им зрелости осуществлялась целостная воспитательная стратегия, направленная на приобщение к традициям народа, принятым в нем этическим нормам, семейному делу. Особенно отмечается роль таких факторов как личный пример и элементы трудового воспитания, а также тщательный подбор игр для детей, в том числе формирующих в сознании ребёнка определенную модель социального поведения [21].

В отличие от З.И. Хасбулатовой, рассматривающей пример положительной социализации, И.В. Синова ставит в центр своей работы примеры отрицательной социализации – сложную ситуацию с детьми городского населения в поздней Российской Империи. И.В. Синова подробнейшим образом показывает, как в ходе урбанизации и вследствие массового обнищания городского населения, семья и школа уступают в борьбе за сердца и умы детей «улице». Доверчивость, внушаемость и беспомощность детей сталкивались с жестокостью со стороны ремесленников, в мастерские которых массово отдавали детей, чтобы у тех была возможность обучившись ремеслу прокормить себя. Многие не выдерживали ужасных условий эксплуатации – сбегали в банды, совершали самоубийство или рано начинали употреблять алкоголь, приобщаясь к деструктивному образу жизни [17].

Н.А. Мицюк рассматривает тот же период, что и И.В. Синова, но останавливается не на детях рабочих, а на потомстве элиты – дворян. В частности, Н.А. Мицюк защищает тезис о том, что дворянки выбирали определенную стратегию материнства преимущественно исходя из характера полученного образования и собственной идеологической позиции. Либерализация дворянок вела к снижению числа рождений, повышению брачного возраста и возраста пер-

вой беременности, введению практик абортот и отказа от грудного вскармливания. Автор отождествляет такие перемены с модернизацией общества и постепенным «освобождением» женщин [10].

Диссертация Н.А. Гаврилиной в целом посвящена не вопросам педагогики, а благотворительности, однако, в том числе затрагивает вопросы призрения в отношении детей-сирот. Но вот насколько это призрение оказывалось действенным и меняло жизнь детей-сирот к лучшему, как убедительно доказывает Н.А. Гаврилина, всецело зависело от наличия в той или иной области частных благотворителей. Соотношение государственной благотворительности к частной исследовательница определяет в соотношении 25% к 75% [3].

Как можно видеть, большая часть диссертаций, посвящённых воспитанию, также имеет в основном описательный характер, характеризуя конкретно-исторические проблемы прошлого, а не предлагая на исторической основе практический социальный опыт для настоящего. В то же время отдельные примеры могут выступать как руководство к действию или наоборот, как предостережение.

Встречается и ряд частных вопросов, имеющих отношение к роли в образовании Русской церкви и других общественных организаций, например, «Русская Православная Церковь и земство: опыт взаимоотношений по формированию культурно-образовательного пространства российской провинции 1861–1917 гг. (на материалах губерний Верхнего Поволжья)» [11], «Государственная политика и региональная практика использования знаний о религии в образовательном пространстве центра России: 1985–2012 годы» [15], «История светских и церковных педагогических музеев Западной Сибири как образовательная форма культуры (вторая половина XIX–начало XXI века)» [16].

Монякова О.А. характеризует образовательную ситуацию второй половины XIX в. как глубокую рознь двух культур, вызванную отсутствием единого культурно-образовательного пространства. В ходе образовательных

реформ столкнулись две силы, способствующие организации образовательной политики в России – Русская Православная Церковь и Земства. Между ними имело место как сотрудничество с низкой степенью прямых контактов, так и конфронтация по вопросам целеполагания образования, что исследовательница считает следствием вмешательства государства в образовательный процесс. О.А. Монякова также считает, что такое столкновение во многом определило образовательную ситуацию, сложившуюся в Императорской России в период революций [11].

Е.А. Полякова актуализирует понимание музея как выразителя социальных экспектаций (ожиданий) в отношении будущих перемен. Независимо от О.А. Моняковой, Е.А. Полякова тоже приходит к выводу о разделении таких ожиданий у организаторов светских и церковных музеев во второй половине XIX века. При этом если в развитии светских музеев господствовала тенденция к идеологизации, церковные музеи стремились прежде всего к памятничноохранительству. Е.А. Полякова предлагает собственную программу адаптации церковных музеев с целью их утверждения в качестве образовательной формы культуры. Программа сводится к осовремениванию церковно-музейного пространства путём объединения их в сеть и создания общих ресурсных центров [16].

В центре исследования О.В. Пигоревой – процесс клерикализации образования в современной России, которую автор объясняет потребностью учителей в нравственном императиве учебно-воспитательной работы [15].

Как мы видим, глобальный тренд на оживление интереса к истории Русской Церкви проявляется и здесь, причём применительно к разным историческим эпохам – от Императорской России до современности.

В общем можно сделать вывод, что история образования является для российских историков живой и разносторонней проблематикой. При этом преимущественно исследователей волнует организация образовательных учреждений в Императорской России и вопросы сотрудни-

чества власти с Русской Церковью в области образования. Советский опыт в области организации образовательных учреждений или сотрудничества с Церковью как правило интерпретируется как негативный, однако, исследователей интересуют вопросы организации советской молодёжной политики, как правило интерпретируемой как успешная. В то же время о какой-то центральной повестке в области семьи и семейного воспитания говорить нельзя — присутствует крайняя поляризации тематики работ от примеров конструирования общества на основе традиционных ценностей до примеров влияния либеральных ценностей на поведение матерей, от проблем жестокого отношения к детям до методов организации помощи сиротам. Однако, число и широкий тематический охват работ подтверждают актуальность данной проблематики в современной России.

Литература

1. *Блинов А.В.* Реализация государственной политики по управлению учебными заведениями Министерства народного просвещения на территории Западной Сибири (XIX–начало XX в.): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»]. Барнаул, 2019. 685 с.
2. *Билим Н.Н.* Молодёжная политика СССР и её реализация на Советском Дальнем Востоке (ноябрь 1922 г.–июнь 1941 г.): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02 [Место защиты: ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»]. Астрахань, 2015. 439 с.
3. *Гаврилина Н.А.* Благотворительность и призрение в повседневной жизни российского общества в XVIII–XIX вв.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02 [Место защиты: Кур. гос. ун-т]. Курск, 2015. 466 с.
4. *Иерусалимская С.Ю.* Исторический опыт функционирования системы народного образования Верхнего Поволжья в XIX в.: от становления до модернизации: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02 [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. М., 2015. 585 с.
5. *Калинина Е.А.* Система народного просвещения на Европейском Севере России в первой половине XIX века: дис-

- сертация ... доктора исторических наук: 07.00.02 [Место защиты: Ин-т рос. истории РАН]. М., 2018. 730 с.
6. *Королева Т.М.* Молодежная политика Советского государства и ее реализация в Восточной Сибири: середина 1950-х – 1991 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02 [Место защиты: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН]. Братск, 2015. 432 с.
 7. *Красильникова Е.И.* Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02 [Место защиты: Ом. гос. пед. ун-т]. Омск, 2016. 554 с.
 8. *Лиджеева К.Ф.* Развитие сферы образования в национальных районах юга России в 1918 - 1941 гг.: сравнительно-исторический анализ: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02 / Лиджеева Клара Федоровна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»]. Астрахань, 2014. 401 с.
 9. *Меркулов П.А.* Исторический опыт разработки и реализации государственной молодежной политики в России: вторая половина XIX в.–начало XXI в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02 [Место защиты: Моск. гуманитар. ун-т]. М., 2014. 646 с.
 10. *Мицюк Н.А.* Материнство у дворянок Центральной России во второй половине XIX - начале XX в.: историко-антропологический и социокультурный аспекты: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.07 [Место защиты: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН]. М., 2016. 768 с.
 11. *Монякова О.А.* Русская Православная церковь и земство: опыт взаимоотношений по формированию культурно-образовательного пространства российской провинции в 1861–1917 гг. на материалах губерний Верхнего Поволжья: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02 [Место защиты: Иван. гос. ун-т]. Иваново, 2014. 481 с.
 12. Опрос ВЦИОМ «Система образования в России (1991–2016)» Электронный ресурс. Режим доступа: [<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sistema-obrazovaniya-v-rossii-1991-2016>] свободный. Дата обращения: 31.01.2023.
 13. Опрос ВЦИОМ «Образование в России: востребованность, доступность, качество». Электронный ресурс. Режим досту-

- па: [<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obrazovanie-v-rossii-vostrebovannost-dostupnost-kachestvo>] свободный. Дата обращения: 31.01.2023.
14. Опрос ФОМ «О качестве российского высшего образования» Электронный ресурс. Режим доступа: [<https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14436>] свободный. Дата обращения: 31.01.2023.
 15. *Пигорева О.В.* Государственная политика и региональная практика использования знаний о религии в образовательном пространстве центра России: 1985–2012 годы: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02 [Место защиты: Иван. гос. ун-т]. Курск, 2016. 552 с
 16. *Полякова Е.А.* История светских и церковных педагогических музеев Западной Сибири как образовательной формы культуры: вторая половина XIX–начало XXI века: диссертация ... доктора исторических наук: 24.00.03 [Место защиты: Нац. исслед. Том. гос. ун-т]. Томск, 2015. 613 с.
 17. *Синова И.В.* Дети трудящегося населения в городском российском социуме в 1861 - 1914 гг.: проблемы девиантности и виктимизации (на материалах Санкт-Петербурга): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02 [Место защиты: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»]. СПб, 2014. 442 с.
 18. *Соколов Р.А.* Александр Невский в отечественной культуре и исторической памяти: диссертация ... доктора исторических наук 24.00.01 [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. СПб, 2013. 512 с.
 19. *Сулимов В.С.* Светская школа Западной Сибири конца XIX–начала XX веков: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02 [Место защиты: Алт. гос. ун-т]. Барнаул, 2015.
 20. *Хаминов Д.В.* Историческое образование и наука в советской высшей школе: региональный аспект: на материалах сибирского научно-образовательного комплекса: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02 [Место защиты: Национальный исследовательский Томский государственный университет]. Томск, 2019. 720 с.
 21. *Хасбулатова З.И.* Традиционная культура воспитания детей у чеченцев: XIX–начало XX века: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.07 [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. М., 2015. 426 с.

22. *Эрлих С.Е.* Декабристы в исторической памяти. 2000–2014 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02 [Место защиты: ФГБУН «Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук»]. Санкт-Петербург, 2015. 490 с.